

Рецензии

Проверенный историей диалог культур.

Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2014.

В монографии Николая Анатольевича Самойлова решается важная в научном отношении проблема — впервые в отечественной и зарубежной историографии для анализа взаимосвязей России и Китая в XVII — начале XX вв. применена концепция социокультурного взаимодействия. Социокультурный подход к истории был разработан выдающимся русско-американским философом, социологом и культурологом Питиримом Александровичем Сорокиным в его классическом труде «Социальная мобильность» (1927 г.). В дальнейшем (Россия и США. 1944) им была предложена и теория конвергенции социально-политических систем. При этом П.А. Сорокин рассматривал исторический процесс как циклическую смену основных типов культуры, в основе которых лежит интегрированная система ценностей и символов.

В нашем востоковедении методология сравнительной культурологии¹ впервые была затронута в известной книге Н.Я. Бичурина «Китай в гражданском и нравственном состоянии», где было сказано, что в Китае «много находится вещей, которые и мы имеем, но там все в другом виде»². Классический труд Н.И. Конрада «Запад и Восток» (М., 1972) всколыхнул в востоковедной среде интерес к сравнительному изучению цивилизаций. Взаимовлияние восточной и западной культур было детально рассмотрено Е.В. Завадской в ее книге «Культура Востока в современном западном мире» (М., 1977). Большим успехом пользовалась работа Т.П. Григорьевой «Дао и логос (встреча культур)» (М., 1992).

Размышляя о философско-культуроло-

гическом аспекте труда Н.А. Самойлова, я вспомнил замечательное выступление Тимофея Николаевича Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории», в котором он говорил: «Быть может, ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как История. Влияние это обнаруживается часто против воли самих историков, упорно отстаивающих самостоятельность своей науки. Содержание каждой философской системы рано или поздно делается общим достоянием, переходя в область применений, в литературу, в ходячие мнения образованных сословий. Из этой окружающей его умственной среды заимствует историк свою точку зрения и мерило, прилагаемое им к описываемым событиям и делам»³.

Использованный в данной монографии методологический подход к проблемам исторического исследования можно отнести к самым актуальным и продвинутым. Н.А. Самойлов справедливо подчеркивает, что «междисциплинарные исторические исследования... входят в число магистральных направлений современной исторической науки, а востоковедно-исторические работы требуют применения новых междисциплинарных методов» (С. 9). И далее автор очерчивает свою позицию следующим образом: «Учитывая накопленный на сегодня теоретико-методологический опыт, следует признать, что наиболее продуктивным может оказаться изучение взаимоотношений России и Китая одновременно в русле нескольких парадигм, каждая из которых обладает своим научным инструментарием. Один из таких подходов

может быть сформирован на стыке цивилизационной и формационной моделей развития человеческого общества» (С. 29–30). С этим нельзя не согласиться. Ведь отечественное востоковедение с момента основания Российской Академии наук исследует различные аспекты проблемы «Россия и Китай». Являясь комплексной, эта проблема требует синтеза результатов, получаемых такими дисциплинами как: история, филология, философия, социология, психология, экономика, международные отношения, культивование, демография, антропология и генетика.

Источники для исследования своей темы автор проработал в основных архивах Санкт-Петербурга и Москвы, а также используя опубликованные тома серии «Русско-китайские отношения в XVII—XIX веках». Кстати, Н.А. Самойлов и сам участвовал в подготовке одного из томов этой серии, который охватывает последние десятилетия XIX столетия и пока еще существует в виде рукописи.

Необходимо отдать должное тому глубокому анализу, которому Н.А. Самойлов подверг сложившуюся к сегодняшнему дню историографию русско-китайских отношений. Такой многоаспектный анализ проведен впервые за последние два-три десятилетия. Понятно, что в науке продвигаться можно, только постоянно анализируя новейшие полученные результаты и опираясь на них.

Касааясь возможностей цивилизационного подхода, Н.А. Самойлов приводит интересную формулу, выработанную японскими учеными, которые «разделяя понятия “культура” и “цивилизация”, утверждают, что “цивилизация” — это “внешняя оболочка жизни человечества”, а культура его внутренний облик. Цивилизация — “твердое”, а культура — “мягкое”. Оба этих аспекта взаимодействуют, и цивилизация, которая формирует систему в качестве “твердого” часто независима от культуры и может заимствоваться другой культурой» (С. 41). Я бы добавил, что эта формула почерпнута у Лао-цзы, который в «Дао дэ цзинь» подчеркивал, что «мягкое преодолевает твердое».

На мой взгляд, ни одну из цивилизаций, бывших в историческом прошлом или существующих ныне, нельзя изучать в отрыве от общечеловеческой цивилизации. Все цивилизации представляют собой варианты развития этой земной цивилизации, выражаясь языком

музыковедения — вариации на тему прогресса человечества. Итак, первое требование — изучать цивилизации системно, то есть как системе цивилизаций, образующих единое целое. Второе методологическое требование — изучать в сравнении. Достоинства и недостатки, достижения и промахи любой цивилизации легче всего обнаруживаются в сравнении ее с другой, развивавшейся в близких исторических условиях. Интересный опыт сравнения древних цивилизаций Китая и Греции недавно провел Франсуа Жюльен⁴.

Кстати, нет «мертвых цивилизаций», как иногда называют египетскую, греческую и ряд других цивилизаций, существовавших еще до нашей эры и прошедших через исторические катастрофы. Гибель государств и гибель цивилизаций (их культур) это разные понятия, ибо государства лишь оболочки цивилизаций. Дело в том, что «душа» каждого цивилизационного комплекса, то есть его духовная культура, в тех или иных формах продолжает существовать в современном мире. Если древние открытия и разработки в духовной сфере востребованы, то и цивилизация продолжает жить. Даже если ее материальная культура стала добычей времени и соответственно археологов. Примером этому служит современное китайское общество, в котором реализуется девиз «поставить древность на службу современности» («и гу вэй цзинь»). В этом смысле цивилизации бессмертны.

Это подтверждают и достижения современного востоковедения. В качестве примера можно сослаться на постулат в Предисловии к «Истории Древнего Востока»: «Как показывает история человечества, культуры погибают лишь насильственной смертью, что бывает чрезвычайно редко. Обычно же преемственность в той или иной степени сохраняется, а за гибель культуры часто принимают гибель государства или перемены языка и стиля»⁵.

Человечество с момента его возникновения существовало как информационное общество. Автор рассматриваемой монографии, на мой взгляд, справедливо включает эту особенность всеобщей истории в определение понятия «культура». Н.А. Самойлов утверждает, что «культура — формируемое поколениями качественное состояние человеческого общества и социально-исторической среды его обитания, включающей всю совокупность созданных

им материальных и духовных ценностей и возникающей в результате творческой активности человека на основе коммуникации между индивидами и эпохами» (С. 42). Отсюда вытекает и расшифровка термина «социокультурное взаимодействие», вынесенного в заглавие монографии. «...Взаимодействие, возникающее между региональными и локальными социумами и культурами, обладающими характеристиками социокультурных суперсистем, являющееся частью общемирового культурного развития и отражающее процессы стадийно-формационного характера, и есть не что иное, как *социокультурное взаимодействие*» (С. 43).

Изучая *социокультурное взаимодействие*, важно не упустить из вида, что, формируясь как многонациональное государство, расположенное и в Европе, и в Азии, Россия строила свои отношения с Востоком, включая Китай, в определенном смысле *идентифицируя* себя с ним. Для России Восток не был манящим заморским чудом, он начинался в ее собственном российском доме, был его неотъемлемой частью. Даже реформы Петра I не смогли искоренить у россиян стихийное чувство своей большей близости к Азии, нежели к Европе и своей экономической, политической и духовной самодостаточности. Так, несмотря на цивилизационные различия, Россия строила некую *интеграционную модель* связей с Востоком. Это позволяло включать в русскую культуру ряд восточных, в первую очередь, тюркских, а позже и китайских компонентов.

Как отмечено в монографии, на *стадии идентификации* первыми источниками сведений о Китае в Русском государстве в XVII в. были отчеты посольств и миссий, направлявшихся царским правительством в Пекин для установления дипломатических и торговых отношений с Китаем. Среди них наибольший научный интерес представляли «Роспись» Ивана Петлина (1618–1619), «статейные списки» Ф.И. Байкова (1654–1657) и Н.Г. Спафария (1675–1677), дневники Избранта Идеса и Адама Бранда (1692–1695). Эти документы, ставшие памятниками дипломатической истории, содержали разнообразную информацию о Китае и сопредельных странах, о политическом положении Цинской империи. Мировая географическая наука обогатилась открытиями первостепенной важности — были проложены пути из Европы в

Китай через Сибирь, Монголию и Маньчжурию. Интерес к этим наиболее ранним русским описаниям Китая и ведущим в него маршрутам был исключительно велик. Уже в XVII в. они неоднократно издавались и переиздавались в большинстве европейских столиц на английском, немецком, французском, латинском языках.

Рассматривая начальный этап взаимодействия двух социокультурных суперсистем как стадию *индифферентного взаимодействия* Н.А. Самойлов отмечает, что к концу XVII столетия Русское государство превращается в крупнейшего соседа Китая, который в свою очередь стал в этот период могущественной Цинской империей. Ее властители считали, что не имеют себе равных в Поднебесной. В этих условиях начался процесс формирования общей границы двух государств. Одновременно Китай начинает играть важную роль в экономических связях России с внешним миром. Я согласен с приведенным в рассматриваемой работе положением, выдвинутым Александром Степановичем Мартыновым, об общности исторических судеб России и Китая, прошедших длительный этап борьбы «полю» со «степью». К этому можно добавить, что конфуцианская модель политической и духовной жизни Китая по многим показателям была близка к православным воззрениям, определявшим российскую духовность.

Проанализировав взаимосвязи двух государств на протяжении XVII столетия, Н.А. Самойлов резюмирует, что «подводя итоги данного периода, можно сделать вывод о том, что сложившиеся в XVII в. отношения между Россией и Китаем носили характер диалога двух различных культур, приобретающего весьма своеобразные формы в силу принципиально разного подхода к оценкам содержания данных отношений. Специфическое восприятие отношений с другими странами и народами, заимствованное маньчжурской династией Цин из многовековой китайской традиции, накладывало отпечаток на все виды контактов между двумя странами. Вместе с тем, в России шел процесс накопления знаний о Китае и наметился достаточно прагматичный подход к взаимоотношениям с дальневосточным соседом» (С. 95). Этот вывод не вызывает никаких возражений.

Если говорить о социокультурном влиянии Востока на Россию, то следует признать, что из всех стран Азии именно Китай в наиболь-

шей мере влиял на все стороны жизни нашей страны. Какие факторы способствовали этому?

Во-первых, интерес в различных кругах российского общества к истории китайской цивилизации, к ее искусству самосохранения на протяжении нескольких тысяч лет, невзирая на неоднократные вторжения завоевателей. Освещавшая эту проблему китайская историческая наука появилась, когда великим историком Сыма Цянем (145 или 135 до н.э. — ок. 86 до н.э.) был подготовлен труд «ИШи цзи» («Исторические записки»). К этому следует добавить, что задолго до нашей эры в Китае были заложены и основы мощных философских и этических школ. Но особенно были развиты наука о военном деле и политическом руководстве государством. Императорская Академия наук — «Хань линь» («Лес перьев») (738–1911 гг.) на протяжении многих веков развивала науки о человеке — гуманитарные дисциплины. Молодой русской цивилизации было, что черпать из «колодца дракона».

Во-вторых, стремление правящих слоев российского общества познакомиться поближе с произведениями китайской духовной и материальной культуры, иметь их в своем распоряжении.

И, наконец, в-третьих, те возможности, которые Россия получила для познания всех сторон жизни Китая, учредив в 1727 г. в Пекине Русскую духовную миссию.

XVIII столетие, если следовать градации Н.А. Самойлова, все еще являлось *стадией идентификации*. В этот период разворачивается деятельность Русской Духовной Миссии в Китае (С. 140–166), первым главой которой был архимандрит Илларион Лежайский. Хотел бы отметить, что этот раздел работы написан очень хорошо. Это не случайно — Н.А. Самойлов является одним из главных специалистов по истории РДМ в Китае и организатором специальных конференций по этой проблеме. В монографии справедливо подчеркивается, что «Российская Духовная Миссия и ее сотрудники сыграли важнейшую роль в деле развития диалога культур России и Китая. Благодаря их деятельности и трудам в России впервые узнали о китайской культуре, а в Китае начали осознавать, что такое Православие и культура России» (С. 155).

На определенной по Кяхтинскому до-

говору (1728 г.) границе двух империй в районе Забайкалья и Монголии была создана своеобразная особая экономическая зона: были воздвигнуты торговые городки Кяхта с русской стороны границы и Маймайчэн — с китайской. Н.А. Самойлов описывает их функционирование как развитие *геокультурного* пространства. Этот раздел монографии (С. 166–179) содержит большое количество любопытных фактов, (отраженных, например, в «Записках» будущего шефа жандармов Бенкендорфа), свидетельствующих о развитии добрососедства в этих двух городках, разделенных условной границей. Сложился даже особый язык общения — кяхтинский говор.

Для описания соседства русских и китайцев в некоторых анклавах вдоль государственной границы используется термин *фронтир* (С. 180–189). Это вполне допустимо, так как в географической науке именно этим термином обозначаются приграничные или еще не разграниченные территории.

Отдельный раздел монографии посвящен российско-китайскому взаимодействию в сфере искусства (С. 189–202). Являясь автором путеводителя по объектам китайской культуры в Петербурге, Н.А. Самойлов великолепно рассказывает о них и в данном труде, полемизирует с теми авторами, которые выдвигали нелепое утверждение, что якобы Россия узнавала Китай «глазами иностранцев». Да, среди русских дипломатов, которые вели дела с Китаем, мы встречаем имена Николая Спафария, Андрея Белобоккого, Избранта Идеса, Саввы Лукича Владиславича. Хочу подчеркнуть, что все иностранцы, поступая на русскую службу, должны были принять православие, и что все перечисленные служили России как своей второй родине. Не случайно, имя Н.Г. Спафария было выгравировано на воротах Спасской башни Кремля, а Савве Владиславичу в 2012 г. был открыт памятник в Шлиссельбурге.

Н.А. Самойлов категорически не соглашается с тезисом западноевропейской историографии, гласящим, что «в Россию Китай пришел с Запада». Лейбниц, состоявший на службе у Петра I, посоветовал государю создать в России Академию наук. Вольтер, который был тайным советником на службе у Екатерины II, опубликовал довольно много своих размышлений о Китае. Как говорил о Вольтере

в своих лекциях В.О. Ключевский: «Вольтер — человек не гениальный, но живой, способный писать много и обо всем, талант, но не первой величины... В научном отношении исторические сочинения Вольтера — легкость, отсутствие критики, вздор; но они поднимали самые живые вопросы и читались с жадностью»⁶. Читались они с жадностью и русскими вольтерьянцами, сначала в оригиналах, а в 1756–1759 гг. и в переводах на русский язык, сделанных А.Р. Воронцовым и публиковавшихся в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Как раз в это время — в 1756–1757 гг. — русский дипломат Василий Федорович Братищев, хорошо знакомый с китайским циклом сочинений Вольтера, был направлен в качестве дипломатического курьера в Пекин, где провел переговоры с императором Цянь Луном (Хун Ли).

Возвратившись из Китая, В.Ф. Братищев подготовил для петербургской публики, увлекавшейся по примеру государыни в то время Вольтером и его сочинениями о Китае, собственный критический анализ “Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний”. Даже кратковременное пребывание в Пекине, позволило В.Ф. Братищеву пересмотреть высказывания Вольтера о Китае и дать, в отличие от французского философа, реальную картину политической жизни Цинской империи.

Русское китаеведение к концу XIX столетия вышло на мировой уровень, а по ряду показателей — я имею в виду труды академика В.П. Васильева — превосходило европейскую науку о Востоке. Этому С.А. Самойловым уделено должное внимание.

Следует отметить, что используемые в монографии термины *социокультурный* и *геокультурный* являются производными от слова культура. И это закономерно. Дело в том, что еще в конце XIX и особенно в XX вв. наблюдался интенсивный процесс специализации гуманитарного знания, его дифференциации и возникновения новых научных дисциплин и областей научного исследования. Сформировался большой корпус научных дисциплин, которыми занималось академическое китаеведение. В него вошли языковедение, литературоведение, философия, археология, культурология, эпиграфика, древняя, средневековая и новая ис-

тория, социология, международные отношения, страноведение, этнопсихология, нумизматика и некоторые другие отрасли науки. В дальнейшем гуманитарные науки начали отделяться от социальных, которые также претендовали на изучение не только социальных дисциплин, но и культуры Китая в ее различных формах и модусах.

Это вызывало необходимость выделить из всей совокупности гуманитарных и социальных дисциплин «основную науку», как ее определял еще Г.Г. Шпет. «Как основная наука, — отмечал выдающийся философ, — должна быть и может быть принята только та наука, которая в области данного предмета изучает его в наибольшей полноте... это нормальная постановка вопроса, единственно разрешает проблему множественности научных методов и избегает всякого рода материализма в философии»⁷.

Культура и предстает как тот регулирующий идеал, который позволяет найти способы рассматривать единство разнообразных гуманитарных и социальных наук, выделив синтезирующий их объект. Таким объектом исследования в синологии стала культура Китая, которая позволила сомкнуть в единое целое объекты различных гуманитарных наук (от археологии до музыковедения, от теории литературы до архитектуры) и найти руководящий принцип при образовании их понятий. Это и ставит на твердую почву метод *социокультурного взаимодействия*.

Еще академик В.М. Алексеев разделил китаеведение на две части: синологию китайскую и синологию европейскую. Вот что он говорил о новых поколениях, например, китайских историков: «В новом Китае старый конфуцианский историк сменился новым историком общемирового типа, европейским ученым, перед которым вся предыдущая история китайского старого историка предстала, наконец, в виде мировой проблемы, и он решает ее на общенаучных линиях, в которых конфуцианская идеология есть только объект изучения, а не идеологическая доминанта»⁸. Поэтому и китайские философы, и культурологи сегодня говорят о возможности взаимодействия и взаимопроникновения культур⁹.

К несомненным достоинствам рассматриваемой монографии следует отнести перечень источников и библиографию работ на русском, английском, французском, немецком, ки-

тайском и японском языках. Кроме того, автор проверил свои выводы на весьма многочисленных конференциях в нашей стране и за рубе-

жом. Поэтому монография Н.А. Самойлова является серьезным вкладом в разработку истории взаимодействия России с Китаем.

© 2015

Академик В.С. Мясников

1. Сегодня эта дисциплина преподается в ВУЗах гуманитарного профиля. См.: *Борзова Е.П.* Сравнительная культурология: Учеб. пособие. СПб.: «Litres», 2013. Т. 1–2.
2. См.: *Бичурин Н.Я.* Китай в гражданском и нравственном состоянии. М., Восточный дом, 2002. С. 29.
3. Цит. по: *Шнет Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 1004.
4. *Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции / Пер. с фр. В. Лысенко. М: Моск. философ. фонд, 2001.
5. *Якобсон В.А.* Предисловие // История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М.: Вост. лит., 2004. С. 41.
6. *Ключевский В.О.* Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / под ред. Р.А. Киреевой. М.: Рус. панорама, 2012. С. 56.
7. *Шнет Г.Г.* Указ. соч. С. 1065.
8. *Алексеев В.М.* Китайская литература: Избр. труды. М.: Наука, 1978. С. 331, 337.
9. Например, *Kuang-ming Wu.* On the “Logic” of Togetherness. A Cultural Hermeneutic. Brill. Leiden; Boston; Köln, 1998.